

КЕМЕНЬФИ РОБЕРТ
(Дебрецен)

Многозначный термин «диаспора» в изучении меньшинств в Венгрии

В наши дни термин «диаспора» широко используется общественно-научными исследованиями, направленными на изучение религиозных и этнических меньшинств. Параллельно со становящимися все более многограновыми подходами к изучению этнических и религиозных процессов, значение слова «диаспора» все более уточняется, ведь, будучи собирательным понятием, оно сегодня должно одновременно отвечать самым разным ожиданиям. В несколько упрощенной формулировке можно сказать, что на основе результатов и исходя из начальных точек наших исследований мы пытаемся «впихнуть» в границы толкования термина все больше значений. Информационное письмо конференции по проблемам диаспор точно показывает, какие точки зрения господствуют в нынешнем использовании данного термина.

Корни

Слово греческого происхождения (διασπορά) означает «*рассеяние*». Согласно теологическому канону данная словоформа и ее смысловая нагрузка в греческом переводе Ветхого Завета (Септуагинте) не передает значительно более жесткий, грубый смысл выражений, использовавшихся в ивритском оригинале и носящих коннотацию изгнания, изгойства евреев. Также не передает она страх и тревогу, сопряженные с гонениями: «...и обратишься к Господу Богу твоему и послушаешь гласа Его, как я заповедую тебе сегодня, ты и сыны твои от всего сердца твоего и от всей души твоей, - тогда Господь Бог твой возвратит пленных твоих и умиласердится над тобою, и опять соберет тебя от всех народов, между которыми рассеет тебя Господь Бог твой» (Втор 30, 2-3). С потерей эмоциональной окраски первоначальных ивритских выражений греческое слово «диаспора» превратилось в термин, объективно констатирующий *определённое состояние* – рассеяние евреев между язычниками – в отличие от ивритских форм слова, которые подразумевают рассеяние как *процесс*. То есть двойное лицо слова «рассеяние» появляется уже у корней: греческий перевод подразумевает «просто» пространственность и статус меньшинства, в то время как выражения ивритских источников намекают на *социальное* содержание и (подчиненные) отношения («галут»). (Рабство, от которого, естественно, иудейство старалось освободиться.)

Во время Нового Завета смысл термина стал многозначным. С одной стороны, данное понятие в первую очередь по-прежнему относится к еврейскому народу: после второго разрушения Иерусалимского храма (70 г. н. э.) еврейский обряд жертвоприношения стал невозможным, так что главным местом богослужений – как в эпоху после гибели Первого Храма (587 до н. э.) – опять стали синагоги рассеянных общин. Итак, действие «центра жертвоприношений» было прекращено, *все стало диаспорой*. Хотя (теоретически) необходимым условием рассеяния является миграция (см. далее) вследствие войны против римских захватчиков (66–70 н. э.), *оставшееся на месте* (автохтонное) еврейство

тоже превратилось в диаспору в том смысле, что как вновь массово переселяющееся в окружение чужих народов из-за уничтожения Храма (аллохтонное) иудейство, так и палестинские евреи не располагали главным сакральным местом (Храмом) и возможностями отправления своего религиозного культа, а только рамками, обеспеченными синагогой.

С другой стороны, параллельно с появлением христианства значение слова «диаспора» расширяется, ведь этот термин используется и применительно к общинам, становящимся последователями Христа. Его значение в отношении христианства двояко. По одному толкованию, данное слово подразумевает всю общность христиан вплоть до эдикта 313 г. Константина Великого, сделавшего христианство государственной религией. До этого момента христиане жили как диаспора внутри империи. С таким же всеохватывающим смыслом, но уже в духовном контексте, термин используется в Новом Завете, где говорится о христианах, как о целой диаспоре, поскольку в земной жизни они живут лишь «в рассеянии», а настоящий их дом – небесный Иерусалим. Другое, традиционное (географическое) определение диаспоры, по аналогии с иудейскими общинами, относится к иудео-христианским общинам, живущим среди языческих народов («в рассеянии»). Заимствование слова именно в таком смысле подтверждается тем, что деятельность апостолов тоже была направлена, главным образом, на евреев диаспоры, ведь с пришествием Иисуса народ Божий выходит за закрытые рамки иудейства, и задачей живущих в рассеянии среди языческих народов еврейских общин, превращающихся в христианские, становится обращение всего мира согласно Божьей воле (1Пет 1,1). К ним обращается в своем письме Иаков: «Иаков, ... двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, -радоваться» (Иак 1,1).

Итак, термин «диаспора» укореняется в европейских языках как слово греческого происхождения именно в этом библейском, многозначном, в основном религиозно-конфессиональном смысле (т.е. с неизменным значением). Помимо расселяющихся по континенту еврейских диаспор, понятие «диаспора» во всей Европе обретает общее религиозно-географическое значение (т.е. подразумевающее религиозные общины, живущие в меньшинстве среди других конфессий) параллельно с распространением реформации. Такими могут быть, к примеру, рассеянные по протестантской северной части германского языкового пространства римско-католические, живущие в Задунайской части Венгрии реформатские или польские греко-католические общины.

Расширение значения

Философский фон

Формирование национальных государств принесло с собой расширение конфессионального значения терминов «диаспора» и «рассеяние». До конца XVIII века, эпохи национального пробуждения и укрепления буржуазных обществ, анализ национальной принадлежности и определение этнических границ не разделяли народности, поэтому в это время этническая постановка вопросов не имела особого смысла. В переписях века основную роль играло не национальное деление, а принадлежность к какому-либо сословию (податному, привилегированному). Общество также было разделено по религиозному признаку. К началу XVII века Европу разделяют строгие конфессиональные границы, резко

очерченные религиозные *диаспоры* и внутренние, социальные надломы. Поэтому нельзя удивляться тому, что ранние труды, уже представляющие этнические аспекты, еще лишь только «открывают» языковые/«народные» отношения сел, т.е. только упоминают о них, в то время как конфессиональный подход намного более подробен. Точное отображение религиозной принадлежности населения отдельных сел и, соответственно, диаспор, было важным уже в начале XIX века, тогда как отображение национальных данных по селам заставило себя ждать вплоть до 1880 г., т.е. даже не до первой, а второй официальной переписи населения в Венгрии. (Этому «опозданию» содействовало и то, что правило о регистрации этнического состава в европейской практике переписи населения – принцип добровольного языкового самоопределения – был впервые универсально утвержден на Санкт-Петербургской конференции 1872 г.)

Первичное конфессиональное и пространственное (религиозно-географическое) содержание термина «диаспора» было расширено процессом формирования наций, следующих немецким путем организации государства: данная концепция нации закономерно создавала, а впоследствии и укрепляла, культурные барьеры между народностями, живущими на территории одной страны. Элиты, осознающие противоположные национальные интересы, угрожающие стремлению к объединению нации (в германском языковом пространстве), либо существующим государственным рамкам (в Венгрии), старались с использованием системы средств, подчеркивающих кровное единство корней, общий язык, культуру и общее происхождение, показать свой народ как *закрытую*, единую общественную организацию.

Конфессионально расколотую (например, немецкую или венгерскую) территориальную единицу, естественно, невозможно преобразовать в единую современную нацию путем одной пропаганды религиозного единства. Поэтому, среди прочих, единый язык и общее кровное родство были воздвигнуты в ранг факторов, универсально объединяющих немецкую нацию, *что открыло путь к переосмыслению значения терминов «диаспора» и «рассеяние».*

Идея культурной нации подразумевает, что национальности являются стабильными и независимыми от постоянно изменяющихся социальных ситуаций обществами, которые можно описать на основе объективных аспектов. Их существование подтверждается не только их неизменными культурными характеристиками, но и связанным с данной территорией историческим постоянством. Итак, их границы (на основе системы определенных аспектов) можно точно описать, вследствие чего их члены на данный момент *могут быть сосчитаны*, либо изображены на карте. Возможность измерений, следующая из этого подхода, подтверждает и основную идею, ведь постоянство народностей обеспечивается и самой переписью.

Венгерская правящая элита к началу XX века по сути отбросила концепцию нации-государства, имевшую свои корни в Законе 1849 г. о национальностях и сформулированную в Законе 1868 г., вместо которой в Венгрии также выдвинулись на первый план немецкие представления о нации. Венгерские правительства на рубеже прошлого века неоднократно дают поручения Бюро статистики, в которых, с одной стороны, подчеркивается необходимость по возможности более точного и многостороннего сбора этнической информации, с другой стороны, поощряется

картографическое изображение этих данных, для того, чтобы более пластично видеть распространение национальностей за счет венгров. В этих указаниях уже встречается понятие *диаспоры* в этническом значении. Одно циркулярное письмо премьер-министра министерствам, датированное 1908 г., сообщает об осуществлении планов. Этот документ содержит информацию об административной карте, подготавливаемой Бюро статистики, которая, на основе переписи населения 1900 г., отразит и языковые отношения страны, и даже, впервые используя секторные диаграммы, сможет ответить не только на вопрос «где?», но и на вопрос «сколько?». Администрация премьер-министра предлагает готовящуюся карту вниманию всех министерств, потому что: «Управлять правильной национальной политикой, направленной на общенациональную защиту венгерских языковых границ, *языковых островов* и *диаспор*, без сей карты еле возможно, посему я едва ли должен особо подчеркивать их выдающуюся важность» (курсив мой – Р. К.).

Итак, правила этнической статистики, сформулированные в Санкт-Петербурге, дорабатывались в соответствии с ожиданиями государства, а следующие одна за другой переписи населения задавали все более подробные вопросы о системе взаимоотношений языка, национальности и религии. Статистические данные детально, по населенным пунктам, показали и зарегистрировали этническую картину («состояние») всей страны. Скрупулезные переписи создали основу, с одной стороны, для подготовки требуемых в связи с измерениями карт (этнических) и развития соответствующих картографических методов. С другой стороны, все более точная статистика встала в ряд исторических источников, которые сделали возможным еще более точную теоретическую и методологическую базу, среди прочего, этнической ветви исторической науки, расширение научной терминологии и, в целом, создание профессиональной терминологии.

Трианон

Условия мира, сформулированные на переговорах, завершающих Первую мировую войну, шокировали все слои и сферы общества. Не избежали потрясения и «национальные науки», которые, с одной стороны, были вынуждены осознать безуспешность собственной роли в подготовке мирных переговоров: система мира, созданная после Первой мировой войны, отняла от венгерских политиков иллюзию научной «подготовленности», оказавшейся фальшивой. Исчезла надежда, что в изменениях рубежей стран могут играть какую-либо роль этнические границы, определенные на основе более или менее достоверных языковых и/или этнических статистик, этнографических данных, краеведческих источников и их обработок. Хотя пластические этнические карты самого разного типа были в распоряжении венгерской делегации уже на переговорах 1919/20 гг., они не повлияли на заранее намеченные новые государственные границы. При территориальном решении такого значения, каким для Австро-Венгерской Монархии был Трианон, – несмотря на систему доводов, представленных с основ точнейшей научной подготовки, – этническая принадлежность больших территорий даже не обсуждалась.

С другой стороны, венгерская наука должна была выработать какое-то отношение к обрушившейся на венгерскую нацию экономической, социальной и культурной катастрофе, проистекающей из разорванного на части государственного пространства, и каким-то образом интерпретировать ее. В конце концов, заключение мира, положившее конец Первой мировой войне, насильно и надолго заключило венгерскую нацию в рамки идеи культурной нации. *Этническая принадлежность и единство венгров, находящихся в меньшинстве, приобрели высшее значение по сравнению с любыми другими общественными делениями.* Венгерское политическое мышление окончательно отбросило представления о нации-государстве, объединяющей национальности Венгрии, обеспечивая им равное юридическое и культурное положение. Этнические коллективы понимались уже не как виртуальные, но реальные группы, чья самоидентификация к тому же подвержена опасности из-за вынужденного отделения от исторической родины вследствие изменения государственных границ. Таким образом, пропагандировались не права отдельной личности, а групповые, коллективные права меньшинства на основе происхождения, культуры, языка: «...люди были не только гражданами государства, но, еще до этого, частью религиозных, культурных, расовых и национальных коллективов ... Сотни тысяч оторванных венгров – все носители особой, ставшей народной, культуры...» Один за другим появлялись исторические, географические, этнографические труды, которые старались дать обзор этнической картины (подразумевая, в первую очередь, венгров) той или иной области Карпатского бассейна, *в ретроспективе*, на протяжении сотен или даже тысячи лет, начиная с занятия венграми родины.

В период, предшествующий трианонскому решению, слово «диаспора» еще не наполнилось тем последовательно используемым этническим содержанием, которое в последующие десятилетия от него уже «ожидалось». В энциклопедиях с их собранными знаниями и крупномасштабных синтезирующих трудах, составляющих канон национальной и мировой культуры, понятия «рассеяние» и «диаспора» в основном еще определяются (*Большая энциклопедия «Паллас»* [Pallas Nagy Lexikona, 1893] и *Большая энциклопедия Реваи* [Révai Nagy Lexikona 1912]) или используются (например, комитатские монографии в редакции Шаму Боровского [1896–1914] и серия книг *«Австро-Венгерская Монархия в тексте и картинках»* [Osztrák-Magyar Monarchia Írásban és Képekben 1898–1901]) только в конфессиональном смысле. Однако редкое появление словоформы «рассеяние» в этих монографиях и энциклопедиях первой половины прошлого века все же послужило основой к позднейшей (неправильной) практике, разделяющей значение слов «диаспора» и «рассеяние», являющихся, на самом деле, синонимами. Смысл слова «диаспора», имеющего греческое происхождение, сохранился в пределах конфессионального значения. С другой стороны, термин «рассеяние», *помимо* значения, подразумевающего религиозные общины, постепенно получил и этнический контекст. Такое его использование достигло своего расцвета в науке в период между двумя мировыми войнами.

Именно в эту эпоху однозначно расширяется значение термина. В историографии программа исследований истории народного характера, отмеченная именем Элемера Маюса (1898–1989), в географии направление антропогеографии, а в этнографии последовавшие вслед за деятельностью Иштвана Дёрфи (1884–

1939) «национально ориентированные» общественно-научные исследования, выдвигающие исторические этнические процессы на первый план, стараются осмыслить исторические, географические и этнографические отношения национальностей Карпатского бассейна с использованием все более утонченных теоретических и методологических средств. *Именно в этих сферах науки, то есть в терминологической системе этнических исследований, первично религиозно-конфессиональное понятие «рассеяние» окончательно обрело этнический смысл.* (Если уж моя статья началась с представления библейских корней слова «рассеяние», в скобках можно заметить, что «в принципе» происхождение данного понятия – рассеяние/диаспора – не исключает и его этническое использование. Евреи [даже если они живут в рассеянии] являются *народом*, «с которым Бог заключил завет» [на иврите: «ам»]. В данном выражении, помимо акцента на религиозном или культурном единстве, присутствуют и компоненты разных нынешних вариантов толкования понятия «нация», то есть, важность связующей силы общего происхождения, общности крови, или даже языка.)

Хотя этническое толкование слова «рассеяние» является «национально нейтральным», то есть может относиться к любой национальности, живущей, на основе статистических данных и географического положения, в спорадических (изолированных) условиях, в Венгрии в период между двумя мировыми войнами этот термин укоренился, в первую очередь, как понятие, ссылающееся на *пространственное, общественное, культурное положение венгерских меньшинств*, подпавших под власть чужих государств вследствие изменения размера страны.

Этнические труды десятилетий после трианонского решения имеют два главных акцента: с одной стороны - выражение опасности, угрожающей венгерскому народу, с другой - провозглашение его культурной изолированности. Оба толкования нашли себе свои термины: вследствие первого акцента, к понятию «рассеяние» прилепилось – пользуясь метким выражением Золтана Ийеша – *прочтение «потеря»*, по сей день сопровождающее его. То, что данный термин потерял свое первичное, однозначно связанное с миграцией, значение, восходит именно к этому толкованию, содержащему «элемент судьбы»: «Естественно, можно задать вопрос: в случае, если состояние диаспоры возникает так, что члены общества попадают в «рассеяние» не вследствие их рассеивания, рассыпания, можно ли вообще говорить о диаспоре, рассеянии?» – Вопрос, заданный Палом Петером Тотом сегодня, можно задать и в перспективе десятилетий. Предыдущее предложение намекает на то, что хотя значение слова безусловно *должно бы* подразумевать миграцию, термин «*рассеяние*» в первые десятилетия XX века все же укоренился не только для обозначения аллохтонных этнических групп. Пал Петер Тот отвечает: «В моем понимании, да. ... о диаспоре/рассеянии можно говорить и тогда, когда *судьбой* членов какого-либо общества (или их потомков) становится «рассеяние», «рассыпанность», «разбросанность» несмотря на то, или именно из-за того, что они остаются на месте (курсив мой – Р. К.)». При таком подходе, акцент с миграции сдвигается на социальное положение, взаимоотношения, культурную систему данного (находящегося в рассеянии) общества.

Параллельно с использованием «рассеяния» как понятия, в период между двумя мировыми войнами в венгерской научной терминологической системе также достигло расцвета использование выражения «*языковой остров*», перенятого из

немецкой терминологии конца XIX века. До Первой мировой войны словоформа «языковой остров» – как и «рассеяние» – была «национально нейтральной». Она подчеркивала «островной» характер данной этнической группы. Хотя для меня эти два выражения (рассеяние – языковой остров) имеют различный смысловой оттенок, описанный в предыдущих абзацах, в первые десятилетия прошлого века эти два понятия использовались как синонимы. И даже более того. Это «бережно-заботливое» отношение, все же свидетельствующее о способности (венгерского народа) к хранению культуры, создало из двух словоформ единое выражение: *рассеяние, остров рассеяния*, этнический остров, языковой остров. Это отношение также послужило основой для ставшего односторонним в данную эпоху использования понятия «языковой остров». Наряду со встречающимся в дальнейшем «национально нейтральным» употреблением (например, «влашский» или саксонский языковой остров), наблюдается – как и в немецких исследованиях – тенденция превращения термина в словоформу, подразумевающую собственные (в данном случае, венгерские) «острова», находящиеся в меньшинстве. Термин превратился в выражение, которое, вследствие его прочтения в смысле «угрожающей опасности», показывал «островных венгров», живущих за границей в окружении, большей частью, других национальностей, как «этнические бастионы», «этнических фронтовиков», или даже «этнических заложников». Он провозглашал культурную изоляцию, «нетронутость», более того, неисторичность венгерского народа. Если это выражение и использовалось в отношении других национальностей, оно и в этих случаях намекало на ту же систему отношений, носило то же содержание «опасности», угрожающей венграм: оно служило для определения *иных (т.е. «наступающих») этнических элементов, вклинившихся в венгерский народ*.

Возможные определения термина «рассеяние», представленные выше, указывают, *прежде всего*, не на систему взаимоотношений (состояние меньшинства) либо общественную структуру определенного национального меньшинства (даже если в данную эпоху они постепенно наполняются и этим значением), а на элемент *пространственно-географической структуры*, важный для национальных государств Центральной и Восточной Европы. *Измерение*, а значит, и *пространственное отображение* величины национальности, этнической группы, соотносимой со словом «рассеяние», возможно на основе определений культурной нации. В период между двумя мировыми войнами один за другим появлялись картографические методы, пытавшиеся как можно более пластично показать это (этническое) рассеяние или представить положение собственных (венгерских) групп, находящихся «в рассеянии» между другими народами, как пространственный порядок, узаконенный исторической непрерывностью. Вспомним публикации, разбирающие методы отображения именно этнически смешанных территорий в «деликатных» районах (т.е. тех, которые нельзя однозначно классифицировать как принадлежащие к той или иной стороне) или подходящие с позиции критического анализа к картам, сделанным не венгерскими исследователями именно из-за неточного отображения отколовшихся «языковых островов», *рассеяния*.

Наши дни

После смены политической системы в терминологической системе изучения меньшинств термин «рассеяние» переживает новое возрождение из-за многосторонних возможностей его толкования. Правда, данное выражение не содержит информации ни о величине, ни о пространственных размерах группы, вклинившейся в чужое языковое пространство или религиозно-конфессиональную среду, но именно из-за этого «рассеяние» может использоваться как *пластичное* понятие, поскольку *мы сами* можем определять его свойства (пространственные размеры, численные соотношения, демографическую картину, общественное положение), *подходящие для цели данного исследования*. Из-за этого динамического свойства выражение «рассеяние» в послевоенную эпоху – с частично старым, частично обновленным, частично расширенным значением – опять получает распространение (и) в Венгрии. Именно из-за только что упомянутых изменчивых/ легкоизменяемых свойств в наши дни невозможно дать определение понятия «*рассеяние*», как и других пластичных терминов (см., к примеру, понятие «этничность»), в одном предложении, потому что его можно (по-прежнему) толковать как пространственный порядок, общественную категорию либо статистический показатель. Можно даже присвоить данному выражению смысловое содержание, относящееся к тем особым случаям существования в меньшинстве, с которыми связаны составляющие элементы самоопределения личности, находящейся в данной жизненной ситуации, поэтому «рассеяние», как совокупность общественно-научных терминов, может также встречаться как категория, подразумевающая *конфликт ценностей*.

Тем не менее, повторное использование терминов «рассеяние» и «диаспора» в «простом» территориальном контексте в наши дни все более *отодвигается на задний план* подходом, согласно которому при определении территории рассеяния нельзя принимать во внимание одни лишь «твердые статистические данные», но надо, *в первую очередь*, обращать внимание на *общественные процессы*, оттеняющие и формирующие эту пространственную структуру. Результатом этой смены парадигм становится то, что понятие «рассеяние» распространяется в том числе на население приграничных территорий, «в принципе», однородных в этническом плане. В этой попытке определяющую роль однозначно играют не географические, а *ментальные* факторы. Более того, в наши дни акцент в научных спорах и диалогах о диаспорах уже бесспорно сместился с простого представления состояния рассеяния, возможного на основе «простых» (этнических) статистических данных, на толкование этническо-культурных процессов («процессов рассеяния») данных коллективов, находящихся в меньшинстве.

Другой особенностью употребления терминологии на рубеже тысячелетий является еще большее усложнение использования понятий «рассеяние» и «диаспора», и до этого имевших двойной смысл. С одной стороны, размылись границы между (неправильным и ранее) двойным использованием понятий «диаспора» (только конфессиональное значение) и «рассеяние» (конфессиональное и этническое значение): в пестрой этническо-конфессиональной системе Центральной Европы *религиозная «диаспора» часто оказывается и этническим «рассеянием»*.

Наряду со схожестью и точками соприкосновения этнического и религиозного самоопределения, нельзя оставлять вне внимания и существенные различия между этими аспектами общества, к примеру, то, что религия играет роль также и в сохранении различий в этнической принадлежности. Говоря о взаимоотношениях этничности и религиозности, эту функцию можно осветить так, что религиозность – особенно в случае этнических меньшинств – может *тормозить* динамику этнических процессов. Хотя сегодня уже не только этническое самоопределение, но и религиозность должна пониматься как изменчивое, динамичное явление, все же изменение религиозной принадлежности – процесс более долгий. Смена страны или языка исключительно редко сопровождается отступлением от конфессии. Это явление обычно используется как основа для измерений, с помощью которых можно делать выводы о численных соотношениях бывших национальных, этнических меньшинств той или иной страны. Например, в смешанных браках статистический показатель религии контролирует показатель этнической принадлежности. В обществах рассеяния (Трансильвания) религия является наипервейшей основой национального самоопределения. Но тут же можно упомянуть и Молдову в Румынии, как типичную переходную (этничность → религия) территорию нашего региона. Ассимиляция («рассеяние») местных венгров требовала все более и более многогранной системы толкования, настолько, что в наши дни этнические линии раздела проявляются, в первую очередь, в религиозной принадлежности (римско-католическая/православная) и разделять «венгерскую» и румынскую национальности и осмысленно говорить о «венгерских» *этнических/религиозных диаспорах* можно только на их основе. То есть функция религии, консервирующая этническую принадлежность, по сути, служит основой для использования (первоначально неправильно разделенных) словоформ (диаспора/ рассеяние) в едином смысле.

С другой стороны, все же появился новый географический оттенок, который, не на основе конфессии и национальности, а на основе миграции/оседлости, и далее разделяет сферу использования данных синонимов. Как выше уже упоминалось, этимологические корни термина «рассеяние» подразумевают рассыпанность, (добровольную либо вынужденную) миграцию. Таким образом, наличие миграции должно бы быть непременным условием использования термина «рассеяние», однако данное понятие до наших дней сохранило автохтонный характер, полученный в период между двумя мировыми войнами. Прочтения этого термина в смысле «единства судьбы», с одной стороны, используют данное понятие и для обозначения религиозных и/или этнических коллективов, ставших меньшинством в массе и без миграции, то есть *на месте*, и постепенно теряющих свой однородный характер («измельчающихся», «разлагающихся») вследствие ассимиляции. Это второе значение вошло в практику словоупотребления части ученых, занимающихся территориально-этническими исследованиями, таким образом, что в данные два синонимичных понятия (рассеяние-диаспора) они вкладывают различный смысл. Географические науки используют термин «рассеяние», в первую очередь, для обозначения коллективов, попадающих в меньшинство *на месте* из-за изменений границ и постепенно измельчающихся, а понятие «диаспора» – для определения коллективов, живущих в чужой стране в

меньшинстве вследствие *миграции* по собственному решению. Хотя «на первый взгляд» разделение автохтонное (рассеяние) – аллохтонное (диаспора) помогает сориентироваться, данный принцип разделения нередко спорен. Подумаем о том, что реформатские венгры региона Мезёшег являются «рассеянием» совсем не так, как венгерская католическая община, поселившаяся там же в 19 веке. Но можно упомянуть, к примеру, и происходящее в наши дни переселение/миграцию венгров из соседних стран, будь то на историческую родину или в другие страны Европы.

Говоря о нынешнем использовании понятий «рассеяние» и «диаспора», необходимо опять кратко упомянуть о научно-исторических корнях этих слов. После Второй мировой войны, в основном вследствие резкой критики Вебера-Келлермана, немецкая этнография и европейская этнология отбросила *статическое* понятие «остров» и снова выдвинула на первый план более «динамический», уже в период между двумя мировыми войнами подразумевавший *общественные процессы* термин «рассеяние» для описания пространственной проекции этнических вопросов (вопросов меньшинств). Применение этого религиозного (географического) понятия к языковым и этническим меньшинствам в наши дни означает (и подразумевает), точнее *должно бы означать(!)*, что хотя члены данного меньшинства и живут *в рассеянии* среди других народов, но живут они не в изоляции, а *поддерживая со своим окружением взаимно влияющие друг на друга культурно-социальные отношения*.

Данное понятие означает и то, что дисциплины, исследующие вопросы меньшинств, параллельно с критическим изучением терминологической системы прошлого должны стремиться не к пропаганде того, будто якобы меньшинства, живущие в рассеянии, в культурном плане неподвижны (и недвижимы) и изолированы, и не к осуждению процесса естественного рассеяния на всех форумах и всеми средствами, а к раскрытию связей групп, находящихся в меньшинстве, с окружающей культурой большинства и многостороннему, подробному анализу взаимных влияний двух (или более) культур.

Список литературы

Aharoni, Johanan – Avi-Yonah, Michael 1999. *Bibliai Atlasz* (Библейский атлас). Jeruzsálem: Carta, Budapest: Szent Pál Akadémia

Arató Endre 1972. A magyar „nemzeti” ideológia jellemző vonásai a 18. században (Характерные черты венгерской «национальной» идеологии в XIX веке). In: Sipos György – Szűcs Jenő (szerk.) *Nemzetiség a feudalizmus korában* (Национальность в эпоху феодализма). Budapest: Akadémiai Kiadó

Balogh Pál 1902. *A népfajok Magyarországon* (Этнические расы в Венгрии). Budapest: Magyar Királyi Vallás- és Közoktatásügyi Minisztérium

Barnava, Élie (összeáll.) 1995. *A zsidó nép világtörténete* (Мировая история еврейского народа). Budapest: Gemini

Bartha Elek 1984. Etnikai különbségek és a vallások integráló ereje (Этнические различия и интегрирующая сила религии). In: Kunt Ernő–Szabadfalvi József – Viga Gyula (szerk.) *Interetnikus kapcsolatok Északkelet Magyarországon* (Межэтнические взаимоотношения в Северо-Восточной Венгрии). Miskolc: Herman Ottó Múzeum 97–101.

Bartha Elek 1987a. Vallás és etnikum (Религия и этничность). In: Dankó Imre – Küllös Imola (szerk.) *Vallási néprajz III.* (Религиозная этнография III). Budapest: E-LTE Folklóre Tanszék 194–217.

Bartha Elek 1987b. Az egyházak szerepe a nemzetiségi kultúra megőrzésében (Роль церквей в сохранении культуры национальностей). In: Gyivicsán Anna (szerk.): *Folklór és tradíció IV.* (Фольклор и традиция IV). Budapest: MTA Néprajzi Kutató Csoport 238–247.

Benkő Samu 2000. Научный семинар «В рассеянии» (открытие). *Erdélyi Múzeum* 62. 3–4: 248–250.

Buchberger, Michael (Hrsg.) 1931. *Lexikon für Theologie und Kirche*. Freiburg im Breisgau: Herder&Co. G.M.B.H. Verlagsbuchhandlung

Chaunu, Pierre 2001. *A klasszikus Európa* (Классическая Европа). Budapest: Osiris Kiadó

Csíki Tamás 2003. *Társadalomábrázolások és értelmezések a magyar történeti irodalomban* (1945-ig) (Изображения и толкования общества в венгерской исторической литературе [до 1945 г.]). Debrecen: Debreceni Egyetem Néprajzi Tanszék

Dányi Dezső 1999. A szlovákiai szórványmagyarság (Венгры рассеяния в Словакии). *Regio* 10. 3–4: 161–206.

Egyed Ákos 2000. A szórványkérdés a két világháború közötti történetírásban (Вопрос рассеяния в историографии периода между двумя мировыми войнами). *Erdélyi Múzeum* 62. 3–4: 125–127.

Fejős Zoltán 1995. Diaspora: Validity of a Concept for Ethnic Studies. In: Krupa András – Eperjessy Ernő – Barna Gábor (szerk.) *Kultúrák találkozása – kultúrák konfliktusai* (Встречи культур – конфликты культур). 467–472. Békéscsaba–Budapest: Magyar Néprajzi Társaság

Fejős Zoltán 2004. Diaszpóra és az „amerikai magyarok” – háttér egy fogalom alkalmazhatóságához (Диаспора и «американские венгры» - фон к возможностям использования одного понятия). In: Kovács Nóra (szerk.): *Tanulmányok a diaszpóráról* (Статьи о диаспорах). 9–24. Budapest: Gondolat – MTA Etnikai-nemzeti Kisebbségkutató Intézet

Györffy István 1913. A Fekete-Körös völgyi magyarság (Венгры долины реки Фекете-Кёреш). *Földrajzi Közlemények*. 41: 451–552.

Haag, Herbert 1989. *Bibliai Lexikon* (Библейская энциклопедия). Budapest: Apostoli Szentszék Könyvkiadója (Szent István Társulat)

Ilyés Szilárd–Zoltán 2000. Vázlat egy tágabb szórvány fogalom kidolgozásához (Набросок к разработке расширенного понятия «рассеяния»). *Erdélyi Múzeum* 62. 3–4: 319–324.

Keményfi Róbert 2002. Földrajzi szemlélet a néprajztudományban (Географический подход в этнографической науке). *Ethnographia* 113. 3–4: 189–244.

Keményfi Róbert 2003. Az „etnicitás” fogalma és helye az etnikai térszerkezeti kutatásokban (Понятие «этничности» и его место в исследованиях пространственной структуры этнических групп). In: Keményfi Róbert: *A kisebbségi tér változatai* (Разновидности пространства меньшинства). 9–15. Budapest: MTA Társadalomkutató Központ

Keményfi Róbert 2004. „...A magyar nyelvhatárok, nyelvszigetek és szórványok védelme ügyében...” («...к вопросу о защите венгерских языковых границ, языковых островов и групп, находящихся в рассеянии...») In: Kovács Nóra – Osvát Anna – Szarka László (szerk.): *Tér és terep III.* (Пространство и местность III). 119–131. Budapest: Akadémiai Kiadó

Keszeg Vilmos 2002. Szórványsors a történetekben (Судьба рассеяния в историях). *Erdélyi Múzeum* 63. 3–4. 159–163.

Klinger András 1994. A nemzetiségi statisztika Európában és Magyarországon (Этническая статистика в Европе и Венгрии). In: Klinger András (főszerk.) *Magyarország nemzetiségeinek és a szomszédos államok magyarságának statisztikája (1910–1990)* (Статистика национальностей Венгрии и венгров соседних государств (1910–1990). 22–41. Budapest: Központi Statisztikai Hivatal

Knieszsa István 1938. Magyarország népei a XI. században (Народы Венгрии в XI веке). Budapest: Atheneum

Knieszsa István 1941. *Adalékok a magyar–szlovák nyelvhatár történetéhez* (Дополнения к истории венгерско-словацкой языковой границы). Budapest: Atheneum

Komoróczy Géza 1992. *Bezárkózás a nemzeti hagyományba* (Самозаключение в национальную традицию). Budapest: Osiris Kiadó

Léon-Dufor, Xavier (főszerk.) 1986. *Biblikus teológiai szótár* (Библейский теологический словарь). Budapest: Apostoli Szentszék Könyvkiadója (Szent István Társulat)

Mályusz Elemér 1932. A népiség története (История народной культуры). In: Hóman Bálint (szerk.) *A magyar történetírás új útjai* (Новые пути венгерской историографии). Budapest: Magyar Szemle Társaság 237–268.

Meinecke, Friedrich 1922. *Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München: Oldenbourg

Mirnic Károly 2004. „Porlik, mint a szikla” («Крошится, как скала»). *Aracs* 4. 1: 25–29.

Moosmüller, Alois 2002. *Interkulturelle Kommunikation in der Diaspora*. Münster–München - New York: Waxmann

Nagy, Ludovicus 1828. *Notitiae Politico-Geographico-Statisticae Inclyti Regni Hungariae*. Budae: Proculus Typis Annae Landerer

Orosz László 2003. Népiségkutatás a nemzeti érdekek ütközőpontjában. A két világháború közötti tudománypolitika Fritz Valjavec és Mályusz Elemér kapcsolatában (Исследования народной культуры в точке столкновения национальных интересов. Научная политика периода между двумя мировыми войнами в отношениях Фрица Вальявца и Элемера Маюса). *Századok* 137. 1: 43–99.

Párdányi Miklós, *sine anno*. (1939–1942). Nép, nemzet, nemzetiség (Народ, нация, национальность). In: Domanovszky Sándor (szerk.): *Magyar Művelődéstörténet V.* (Культурная история Венгрии V). Budapest: Magyar Történelmi Társulat 129–162.

Petri Edit 1996. A görögök közvetítő kereskedelme a 17–19. századi Magyarországon (Посредническая роль греческой торговли в Венгрии XVII–XIX веков). *Századok* 130.1: 69–104.

Popély Gyula 1991. *Népfogyatkozás. A csehszlovákiai magyarság a népszámlálások tükrében 1918–1945* (Сокращение народа. Венгры Чехословакии в зеркале

переписей населения 1918-1945). Széphalom: Írók Szakszervezete – Széphalom Könyvműhely

Puskás Tünde 2003. Magyarnak lenni kisebbségben és szórványban (Быть венгром в меньшинстве и рассеянии). *Fórum* 5. 4: 104–124.

Rumänische Landkartenfälschungen und ihre Kritik 1942. Budapest: Staatwissenschaftliche Institut 15 .

Sebők László 2002. A határokon túli magyarság néhány népességszerkezeti jellemzője és perspektívái (Некоторые особенности структуры населения венгров, живущих за границей, и их перспективы). *Kisebbségkutatás* 11. 2: 237–246.

Szabó István 1937. *Ugocsa megye* (Комитат Угоча). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia

Szabó István 1941. *A magyarság életrajza* (Биография венгерского народа). Budapest: Magyar Történelmi Társulat

Szabó István, *sine anno*. (1939–1942). A nemzetiségek térnyerése és a magyarság (Наступление национальностей и венгерский народ). In: Domanovszky Sándor (szerk.) *Magyar Művelődéstörténet. IV.* (Культурная история Венгрии IV). Budapest: Magyar Történelmi Társulat 109–136.

Teleki, Paul – Rónai, Andrew 1937. *The Different Types of Ethnic Mixture of Population*. Budapest: Athenaeum

Tóth Pál Péter 1999. *Szórványban* (В рассеянии). Budapest: Püski Kiadó

Tóth Pál Péter 2000. A magyar és a vegyes (magyar–román, román–magyar) családok szociológiai-demográfiai helyzete Észak-Erdélyben 1942–1944 között (Социологическо-демографическое состояние венгерских и смешанных (венгерско-румынских, румынско-венгерских) семей в Северной Трансильвании между 1942-1944 гг.). *Erdélyi Múzeum* 62. 3–4: 251–258.